

СЕЛЕСТИНА ДАРО

18+

ПАРЯЩИЕ

в небесах

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Селестина Даро

Парящие в небесах

<https://litres.ru/74505572>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я теряю высоту, она — опору под ногами.

Она называет это «роуп-джампингом», я называю это «попыткой довести меня до инфаркта». Мы — как лед и пламя, как brutальный кожаный ремень и розовый зефир. Она до жути бесит меня своей «кавайностью», но стоит ей оказаться рядом, и я забываю, как дышать.

Ее план на словах прост — мы запускаем реалити-шоу «Парящие в небесах»: пять экстремальных свиданий в самых безумных местах Австралии, чтобы я мог купить новый тепловой аэростат. Но в реальности в этой игре нет страховки. Есть только мы, небо и вопрос: кто из нас упадет первым?

Содержание

Глава	4
Глава 1. Доминик	5
Глава 2. Мира	14
Глава 3. Доминик	23
Глава 4. Мира	35
Глава 5. Доминик	48
Глава 6. Мира	58
Глава 7. Доминик	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Селестина Даро

Парящие в небесах

Глава

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми, живыми или мертвыми, случайны. А все отсылки и секретные послания вам только кажутся...

«Испытай один раз полет, и твои глаза навечно будут устремлены в небо...»

Джон Секондери, 1965

Глава 1. Доминик

Небо безупречно — ни облачка. И наконец-то наступило моё время побыть одному наедине со своими мыслями. Жаркое австралийское утро час назад разорвалось на тысячи восхитительных цветов.

На высоте тысячи метров горящий пропан — это моя личная медитация. Мне больше ничего не нужно: горелка, а также 2 800 кубометров сшитой на заказ оболочки — звёзды и облака на фиолетовом фоне; вот это и есть мой хардкор.

Я поворачиваю вентиль — и пламя вырывается из сопла, нарушая благочестивую тишину на целых три секунды. Мой любимый «OrinokO» тут же поднимается, и взмывает на юго-западном ветре.

«Две-триста», — сквозь стиснутые зубы бормочу я, бросая взгляд на альтиметр.

Я обожаю эту работу. Не из-за воздушных шаров и не из-за этой чрезмерно романтизированной идеи, когда девочки в соломенных шляпках фотографируются на фоне гор. Я люблю её за физику. Она никогда не подводит.

Закон Архимеда: горячий воздух легче холодного — это аксиома. Она не предаст, не изменит правила игры в середине матча. Это честная сделка с гравитацией.

К слову, гравитационная постоянная — это константа; ей абсолютно безразлично, какая сумма лежит у тебя на бан-

ковском счету, какие у тебя летные навыки и есть ли планы на вечер. Если ты вешишь больше куска пенопласта и находишься выше уровня моря, она рано или поздно даст о себе знать. И, судя по тому, как истошно свистит разорванный клапан моей «Ориноко», сегодня мой личный крах наступил на полчаса раньше расчетного времени. Помню, два года назад, когда у меня также прорвало клапан, я успел посадить шар на луг у фермы. Я думал, что владелец фермы будет не в восторге, но он потом ещё полгода здоровался со мной, как с героем. Сегодня, геройство, похоже, отменяется.

— Давай, детка, не динамь меня, — рычу я, дергая рычаг горелки. — Ты же хорошая девочка, Ориноко!

Пламя бьет с яростным ревом, опалает лицо, и пот на нем мигом превращается в липкую корку. Но толку — ноль. Мой здоровенный, некогда гордый шар сейчас как прокуренное легкое заядлого курильщика: вяло сдувается, теряет форму, и вместо того, чтобы чинно парить над рекой, мы позорно дрейфуем в сторону городского моста.

Шаростоны набирают обороты; стрелка альтиметра валится вниз — минус восемь, минус десять метров в секунду. За две минуты мы теряем полкилометра. Я все еще пытаюсь набрать высоту, мучая горелку, но пламя только лижет края разрыва, не создавая тяги.

Внизу — река Хоксбери, мутно-зеленая и подозрительно спокойная; впереди — каменный гигант — мост Муни-Муни, до него остается менее трех минут, но кажется, что мы

несемся со скоростью кометы.

Моя жизнь последние полгода — это мастер-класс по выживанию в условиях свободного падения, но сегодня я явно претендую на премию Дарвина. Я один в корзине. Слава богу, хватило ума отменить утреннюю экскурсию для семейки туристов, иначе сейчас я бы слушал не только свист нейлона, но и визг четырех человек, оплативших свой полет в один конец.

— Давай, родная, ещё немного...

Да, я называю свой тепловой аэростат своей малышкой, своей девочкой, «Ориноко», и в этом нет абсолютно ничего такого.

Я пытаюсь поймать хотя бы один паршивый термик: восходящий поток, чтобы перевалить через парапет. Гондола жалобно скрипит. Я чувствую себя капитаном «Титаника», но вместо айсберга у меня громадный мост.

И тут я замечаю Ее.

Приглядываюсь. На парапете моста стоит нечто, чему в нормальном, привычном мире, кажется, не место. Этакое розовое безумие в стиле «милашный конец света». Короткая юбка-пачка, ядовито-розовые гетры, шлем-панда с медвежьими ушками, а на глазах и здоровенные очки. Она похожа на персонажа аниме, который перепутал дверь и попал в нашу суровую действительность.

— Только не прыгай, мелкая, — шепчу я, и по спине бегут мурашки.

Я точно помню: точек роуп-джампинга (а по-простому мест для прыжков на резинке) здесь нет и быть не может. Свой день рождения я могу забыть, но такое — никогда. Я всегда считал таких ребят недолеченными адреналиновыми психопатами. Сигать вниз, доверяя свою жизнь какой-то веревке? Глупость. Летать на воздушном шаре — это искусство ладить со стихией. А прыгать с моста — просто истеричная попытка доказать земле, что ты умеешь летать целых пять секунд.

К тому же сейчас раннее воскресное утро. Так какого же черта там происходит?

Я вижу, как она перелезает через перила. Даже с такого расстояния понятно, что это не профессионал. Слишком много суеты. Ветер усиливается, толкает корзину «Ориноко» прямо к вектору ее падения. Я пытаюсь уйти в сторону, но инерция у монгольфьера так себе. Но тепловой аэростат — не истребитель, он скорее гигантский поплавок в океане воздуха.

Девушка делает шаг и прыгает...

Время для меня будто замедляется: ее тело отделяется от моста и я заворуженно замираю, вцепившись в борт корзины. Она летит вниз головой, ласточкой раскинув руки, и непонятно: то ли это красиво — очень — то ли так же страшно — очень — потому что она похожа на сломанную куклу. Длинные волосы — кислотно-розовые хвосты — развеваются, оставляя за собой причудливый шлейф. Все бы ничего,

но моя «Ориноко» сейчас займет почти все место под мостом.

Трос натягивается. Прыгунья должна спружинить, взмыть по дуге вверх и зависнуть в безопасной зоне — потому что именно так работает физика. Но именно сейчас физика берет и ломается, превращая мой плохой день в воистину настоящую катастрофу.

Раздается резкий щелчок, который слышно даже сквозь шипение моей горелки. Что это было, е-мое?! Крепление? Карабин? Я тупо не успеваю сообразить, как траектория «розового безумия» меняется. Она не уходит по дуге под мост, ее швыряет в сторону. Я бы запасся семечками, но теперь это чудо летит прямо на меня, а если точнее, то прямо на мой умирающий шар.

— Твою мать! — я кричу, но мой крик растворяется в звуках удара.

Девушка врезается в купол и он прогибается под ее телом, будто гигантский батут. Она беспомощно дрыгает ногами и пытается зацепиться хоть за что-нибудь, но физика безжалостна. «Чудо» скользит по гладкой поверхности шара вниз, точь-в-точь как капля клубничного сиропа по подтаявшему мороженому.

— Лови! — мне даже начинает казаться, что орет кто-то сверху, с моста, но такого быть не может, да и я уже не слушаю.

Я бросаю горелку и шар тут же окончательно теряет

управление. Корзина крениться.

Аниме-куколка падает, касаясь купола, а я сам перегибаюсь через борт так, что едва не вываливаюсь наружу, но, тем не менее, успеваю схватить ее за пояс обвязки. От сильнейшего рывка мне чуть не выворачивает плечо. Но под пальцами я все же чувствую жесткую стропу страховки и — приятно мягкую ткань пышной юбки.

— Поймал! Держу! — хриплю я, и заталкиваю розовое недоразумение (ой, виноват, облако!) в корзину.

Но милашная все равно как-то умудряется проскальзывать. Ее гладкий наряд из синтетики не даёт мне зацепиться как следует: это что-то вроде косплея на японскую школьницу-супергероя.

Мы падаем на дно вместе. Она сверху въезжает в меня, я — под ней, припечатанный спиной к газовым баллонам. Воздух вышибает из легких с громким звуком: «Кхэ-э...», будто меня лягнула лошадь. Ее ботинок с толстенной, мать ее, подошвой, с хрустом бьет мне точно в колено. Боль вспыхивает, как фейерверк, но я сжимаю пальцы на ее ремнях. Шлемом она заезжает мне по подбородку, я прикусываю язык — и рот наполняется железным привкусом. Мы сплелись в клубок из рук, ног, крика, глубоких вздохов и запаха девчачьих духов «бабл гам и сахарная вата». Корзину кренит градусов на сорок пять. Горелка плюется огнем в сторону и знатно опалает ткань.

— Какого лешего? — рычу я ей прямо в ухо.

— Ты... ты меня поймал? — голос у нее тонкий, дрожащий, но оно и понятно, учитывая, что она только что едва не превратилась в лепешку.

— Нет, блин, я просто мимо проходил и решил обнять, — язвлю я, пытаюсь отпихнуть ее, чтобы подняться.

Но подняться не получается. Я совершил фатальную ошибку пилота: перестал следить за высотой.

Шар, окончательно лишившийся горячего воздуха и отяжелевший на пятьдесят килограммов живого (слава богу) веса, делает последний судорожный «вдох».

Он скользит по опоре моста. Звук такой, будто гигантская терка проходит по металлу. Нас вжимает друг в друга. Я инстинктивно прижимаю ее голову к своей груди, закрывая руками.

— Ты... — шиплю я, крепко сжимая ее талию. — Только что добила мой шар, сумасшедшая.

— Я не специально, — выпаливает она. — У меня трос...

— Держись, кавайная, сейчас будет больно! Группируйся! — ору я, перекрывая вентиль газа, чтобы мы не взорвались при следующем ударе, который точно будет. — В воду! Мы падаем в воду!

Падение длится вечность и одно мгновение. Мир превращается в калейдоскоп из ошметков нейлона, синего неба и ее широко распахнутых глаз под стеклами очков. Я вижу в них свое отражение — злое, перепуганное и чертовски уставшее от этого дня. Успеваю подумать, что страховка кончилась у

меня вчера, и страховая компания меня распнет и четвертует. И что эта пойманная мной девчонка, — самая что ни на есть красивая катастрофа в моей жизни. Успеваю пожалеть, что не выпил кофе...

Удар о воду — это вам не мягкое «бултых» как в бассейне. Это как если бы влететь всем телом в бетонную плиту.

Темнота. Холод. Мутная вода реки Хоксбери заливает нос и рот, заполняет легкие и выбивает из них остатки воздуха. Промокшая одежда и тяжелые ботинки тянут меня ко дну. А сверху накрывает плотная ткань сдувшегося шара. Это западня. Если под водой запутаться в оболочке — нам хана.

Я молочу ногами, пытаюсь нащупать опору. Где девчонка?

Моя рука натывается на что-то твердое. Подошва ботинка. Ее нога... черт. Ее нога запуталась в стропях купола.

Вода вокруг нас пузырится. Сквозь толщу мутной воды я вижу и самую кавайную: она не паникует. Просто смотрит на меня, и в этом взгляде столько странного, неуместного сейчас доверия, что у меня внутри все обрывается.

Я тянусь к ножу на поясе. Мне нужно всего лишь перерезать стропы, пока шар не утянул нас на дно. Но нож выскальзывает и — издевательски плавно — улетает в темноту.

Воздух в моих легких заканчивается. Одновременно я чувствую, как и кавайная содрогается в моих руках. Ее глаза на пару секунд закрываются.

«Нет уж, куколка, — думаю я, из последних сил дергая ее на себя. — Мы не для того в воздухе встретились, чтобы

сдохнуть в этой грязной канаве».

Я хватаю зубами край нейлона и пытаюсь разорвать его, где-то на подкорке в тот же момент смутно осознавая, что это бесполезно. Нас все глубже затягивает в воронку из всего этого хаоса под мостом. Я ощущаю, как ее пальцы судорожно сжимаются на моем запястье. Мое сознание начинает гаснуть...

В темноте воды что-то резко дергает нас в сторону. Я догадываюсь, что это трос, который все еще закреплен на ее поясе, внезапно натягивается потому, что он начинает наматываться на вращающийся винт проходящего мимо катера, прямо как в кино. Никогда бы не подумал, что со мной может в жизни такое случиться.

Глава 2. Мира

Смерть в розовых чулках — это не тот финал, который я планировала для своего блога. Я всегда думала, что если и уйду, то как-нибудь эффектно: верхом на комете или хотя бы запутавшись в парашюте на фоне заката над Гранд-Каньоном. Но утонуть в мутной воде Хоксбери, придавленной сверху нейлоном, корзиной из ивовых прутьев и мужиком, от которого за километр разит яростью — это, знаете ли, моветон. Даже для меня.

Я чувствую, как трос, закрепленный на моей пояснице, резко натягивается. Меня дергает назад, прямо к гудящему монстру где-то над нами. Вибрация пробивает тело до самых зубов — это винт катера. Трос наматывается на лопасти, и нас с этим пилотом-неудачником затягивает в импровизированную мясорубку.

Пилот — он все еще держит меня. Благо, он замечает мой нож — маленький, декоративный на вид, выглядящий как часть костюма — в виде кошачьей лапки, пристегнутой к бедру. Я сама о нем не вспомнила даже.

Он выхватывает его. Я даже не успеваю возмутиться от такой бесцеремонности. Одно резкое движение — и натяжение исчезает. Трос перерезан. Следом он перерезает стропы.

Мы летим в темноту, но теперь это свободное падение в темноту, а не в фарш. Пилот хватается меня за лодыжку и гре-

бет вверх, к свету.

А потом перехватывает меня за талию — господи, у него ладони размером с мою голову — и продолжает мощными толчками рваться к поверхности. Я из последних сил толкаю ногами воду. Мои розовые гетры намокли и весят по тонне каждый, превращая меня в недорусалочку.

Мы выныриваем с таким звуком, будто из воды выскочила пробка от шампанского.

— Кха! Кха-ха! — я жадно глотаю воздух, и он сейчас мне кажется желаннее, чем моти с матчей.

— Ты там как, дышишь, кукла? — рычит он мне прямо в ухо. — Давай гребь, черт бы тебя побрал! — рывкает он, отплевываясь тиной. — К берегу! Пока нас окончательно не накрыло корзиной!

Его голос похож на рокот работающего двигателя. Глубокий, хриплый. И в нем не чувствуется ни грамма сочувствия в мою сторону.

Я кашляю, тушь черными потеками заливает мне лицо, превращая в панду, но я гребу, причем удивительно бодро.

Пилот и сам гребет к берегу, таща меня за собой. И я как могу, пытаюсь помочь, но в какой-то момент осознаю, что мои конечности вдруг превратились в вареную лапшу. Мы барахтаемся, боремся с течением. Шар медленно и печально тонет позади нас, превращаясь в гигантскую цветную медузу.

Когда мои колени наконец касаются склизского илистого

дна, я просто валюсь лицом в осоку. Земля — ты моя новая лучшая подруга. Я больше никогда тебе не изменю с этим предательским небом.

— Ты... ты... — я пытаюсь сказать что-то остроумное, но из горла выходит только хрип и фонтан речной воды.

— Я — человек, бизнес которого ты только что похоронила на дне Хоксбери, — отрезает он.

Сейчас, как мне кажется, мы оба выглядим мокрыми, грязными, жалкими. Небо над головой издевательски голубое, ни облачка. Идеальная погода для полетов. Была.

Я переворачиваюсь на спину, снимаю очки и, наконец-то, могу рассмотреть своего «спасителя». Матерь божья, он выглядит так, будто сошел с обложки журнала «Проблемные мужчины и где их искать».

Мокрая белая рубашка прилипла к широким плечам, и теперь сквозь нее просвечивает татуировка в виде крыльев, которая вьется по тыльной стороне его левого предплечья. Волосы — темные, спутанные, но, кажется, местами выборочно чуть мелированные — падают на лоб. А глаза... глаза у него цвета грозового фронта перед тем, как ударит молния.

Он стоит надо мной, тяжело дыша, и по его лицу стекает вода, но он даже не вытирается. Он просто смотрит на меня так, будто я — таракан, который испортил его идеальный пикник, а затем откатывается вбок, и тогда я принимаю вертикальное положение, а если проще — сажусь и обхватываю свои колени руками. С меня течет вода, розовые волосы по-

висли жалкими сосульками, юбка прилипла к ногам.

— Мой шар, — цедит он сквозь зубы. — Ориноко. Ты понимаешь, что ты наделала?

Мой шлем с ушами съехал набок, одна линза очков треснула, а юбка-пачка напоминает общипанного розового фламинго. Я наверняка выгляжу как катастрофа в стиле кавай, но моя гордость — это единственное, что не намокло.

— Что я сделала? — мой голос возвращается, приобретая привычные капризно-язвительные нотки. — Это твой пузырь с горячим воздухом летел прямо на мою траекторию! Тайминг моего прыжка был идеальным, но ровно до тех пор, пока *ты*не решил припарковаться прямо перед моим носом!

Он смотрит на меня так, будто бы я абсолютно нелепое яркое пятно в его черно-белой реальности. Как будто бы я сейчас должна как минимум расплакаться, или отчаянно благодарить его за спасение, или хотя бы извиниться за то, что, по его мнению! чуть не отправила нас на тот свет.

Я поднимаю голову, пытаюсь вытереть лицо руками, но вместо этого только размазываю грязь тыльной стороной ладони по щеке. Теперь я наверняка похожа на Джокера, но мы тут не в свидания играем, так что стесняться нечего, поэтому снова бросаю откровенный взгляд на него. Он сказал «Ориноко», значит узнал меня. Я отцепляю карабин от пояса, а потом тыкаю указательным пальцем в сторону моего «спасителя». Он пристально смотрит на мой ноготь, который

выкрашен в черный цвет и украшен стразом.

— Ты, кстати, мне должен новый трос, летун, — (лучшая защита же нападение, так ведь? Вот, Мира приступает к исполнению этой задачи!) — И, кажется, ты порвал мне гетры. От Gussi, между прочим.

Я моргаю. Раз, другой. Мир вокруг делает сальто.

— Я... должен тебе трос? — переспрашивает он, и, кажется, у него начинает дергаться левый глаз. По-крайней мере, я это вижу. — Ты только что уничтожила мой воздушный шар, чуть не убила нас обоих, нарушила с десяток федеральных авиационных правил, и ты смеешь предъявлять мне за гетры?

Я фыркаю, и начинаю отжимать волосы.

— Ты влетел в мою зону прыжка. Я падала по вертикали. А ты был горизонтальной помехой. Почитай ПДД, дед. Помеха справа. Или снизу. В-общем, ты виноват.

Я пытаюсь встать, но меня немного шатает, колени дрожат. Я, конечно, блефую, но, надеюсь, его впечатлил хотя бы мой уровень наглости.

— «Дед»? — Он оказывается совсем близко ко мне. Нависает надо мной тенью, полностью перекрывая собой мою хрупкую фигурку. — Послушай меня внимательно, Сейлор Мун. Сейчас приедет полиция, водная инспекция и страховые агенты. И я очень надеюсь, что у тебя в этом дурацком рюкзачке припрятан золотой запас Австралии. Потому что ты явно будешь платить. За мой шар, за моральный ущерб,

за химчистку моей рубашки...

Я поднимаю бровь и задираю подбородок вверх. Не на ту попал! Он, какого-то хрена пялится на тонкую полоску (шрам) на шее, уходящий под мокрый воротник вниз.

— Вставай давай, — он протягивает мне руку.

Я смотрю на нее и понимаю, что если я сейчас приму его предложение, моя жизнь уже никогда не станет прежней. Это как если выиграть билетик на полеты в зоне турбулентности. Нет уж, спасибо, я, пожалуй, как-нибудь сама.

Я демонстративно не замечаю его ладонь и снова пытаюсь подняться. Ноги слабеют.

— Черт! — я снова падаю, и на этот раз — прямо ему в руки.

Он ловит меня за талию, сократив дистанцию до откровенно неприличной, и я буквально влетаю в его грудь — твердую, как скала. Тепло его тела согревает даже сквозь мокрую одежду, и это так некстати вызывает у меня короткое электрическое замыкание в голове. От него пахнет чем-то диким, и от этого аромата по позвоночнику бежит волна мурашек.

— Слушай, — он наклоняется ко мне так, что я могу разглядеть каждый золотистый блик от солнца на его радужке — голубой и прозрачной, как вода в озере. — Меня зовут Доминик Эльрой, и ты, чудо в перьях, можешь мне поверить: теперь ты точно мой должник.

— Я Мира, — огрызаюсь я и пытаюсь отстраниться, но он

держит крепко. — Мира Ориноко. И золота у меня нет. Зато есть адвокат, который по записям с моих камер в два счета докажет, что твой летающий мешок с картошкой сломался еще до того, как я на него приземлилась.

— Ориноко? Приземлилась? Это шутка такая? — он истерически смеется. — Да ты рухнула на меня, как кара небесная!

— У-у-уф, тоже мне, капитан Авария!

— Блин, блинский, Ориноко! Ты ведь жива? Жива-а! Так скажи мне «спасибо» и просто заткнись, хорошо? У меня сегодня лимит на общение с катастрофами весь «встал и вышел».

— О, конечно, я жива! Как чудесно-то, что мы наконец это выяснили. Ты так трогательно заботишься обо мне, что я прямо таю! Но давай, Эльрой, посмотрим уже правде в глаза: то, как ты рулил этой посудиной... Боже, это было жалко. Ты дергал за стропы так, будто пытался растолкать спящую бабульку, а не спасти корабль. Кто учил тебя пилотировать? Преподаватель по урокам макраме?

Он замирает.

— Слушай меня сюда, Пикачу-переросток, — чеканит он, и я чувствую, как у меня расширяются зрачки. — Моя «бабушка» продержалась в воздухе лишних десять секунд только ради того, чтобы ты не влетела в реку плашмя. Если бы я не «дергал за стропы», то в твоём блоге, или что ты там делаешь, — Доминик постучал по экшен-камере, прикреп-

ленной к рюкзаку, — сейчас бы показывалось немного иное шоу.

— Мой блог называется «Выше предела», — подчеркиваю я, и мои глаза сужаются. — И поверь, я прыгаю с такой высоты, по сути, на одной резинке от трусов, не для того, чтобы один угрюмый душила в татуировках читал мне лекции о безопасности. У тебя шар был дырявый ещё до моего прыжка! Я видела, как клапан выпускал газ!

— Он не был дырявым, он был... — Доминик осекается и разглядывает меня?! — В любом случае, твой трос лопнул еще в воздухе, принцесса. Так что если бы не мой шар, ты бы сейчас не спорила со мной, а превратилась в живописное пятно на реке.

— Конечно он лопнул — из-за тебя, от перегрузки! — парирую я. — И отдай мой нож обратно!

Благо, Доминик воздерживается от шуток про то, что я могу его «прирезать» и просто отдает мне нож.

Мое снаряжение проверял Марк. Он мой лучший техник (для экстремального блогера ооочень важно, чтобы в команде были такие люди), он помешан на безопасности. Мы проверяли одни только карабины трижды.

Вдали слышится вой сирен. Полиция. Кто-то вызвал спасателей. Цирк приехал.

Я смотрю на реку. Шар исчез. Только маслянистое пятно и пара пузырей сейчас указывают на место его гибели.

Я дрожу, мои губы уже наверняка посинели. Доминик

снова смотрит на меня. Вероятно, он считает, что я отступлю. Но я не отступлю.

— Добро пожаловать в реальный мир, Мира, — говорит он тихо, когда катер водной полиции причаливает неподалеку от нас. — Здесь гравитация работает для всех. И ты только что влипла по-крупному.

Я ухмыляюсь.

— Посмотрим, кто кого переиграет, летун. Только не плачь, если проиграешь девчонке с розовыми волосами.

— Я не плачу, — чеканит он. — Яставляю счета.

Глава 3. Доминик

Мы были вынуждены прекратить нашу перепалку на время, пока спасатели на катере доставляли нас на базу в Муни Муни, где уже ждала машина скорой помощи, которая забрала меня и «кавайную» в больницу Госфорда.

И, тем не менее, я хочу сказать, что страховые агенты — это отдельный круг ада, но женщина в мокром костюме Сэйлор Мун, сидящая на соседней кушетке в приемном покое — это уже мой персональный котел с кипящим маслом.

Я ненавижу больницы. Это место, где контроль над ситуацией передается людям в белых халатах, которые говорят о твоём теле так, будто бы это сломанный тостер.

— Мистер Эльрой? — усталая медсестра, с причёской, напоминающей гнездо встревоженной сороки, заглядывает в планшет. — У вас ушиб мягких тканей коленного сустава, ссадины и легкое переохлаждение. Вам повезло.

— Повезло? — переспрашиваю я, застегивая пуговицы на чужой, выданной в больнице, клетчатой рубашке. — Мой бизнес лежит на дне реки Хоксбери. Мой рейтинг пилота сейчас рухнет быстрее, чем акции технологических компаний в кризис. И я сижу здесь в штанах, которые короче, чем должны быть, на три сантиметра.

— Ну, вы же живы, — задумчиво поясняет она, не поднимая глаз. — А вот вашей подруге повезло меньше, и, к слову,

у нее не все так радужно. Нам придется наложить пару швов ей на плечо.

Я поворачиваю голову в сторону Миры . «Подруга», ага. Звучит как оскорбление.

Мира Ориноко сидит на высокой кушетке и болтает ногами. Ей помогли переодеться: мокрый «наряд супергероя» сняли, и теперь на ней безразмерная больничная пижама нежно-голубого цвета. Розовые волосы начали подсыхать и торчат в разные стороны, превращая ее в радиоактивный «одуванчик». Она выглядит такой маленькой и хрупкой. Если бы я не знал, что внутри этого чуда существует диэлектрический стержень из чистого упрямства, я бы, наверное, даже посочувствовал (серьезно!).

К ней подходит молодой интерн. Слишком молодой. Сиотрит на нее так, будто увидел сказочного единорога.

— Больно? — участливо интересуется он, обрабатывая царапину на ее скуле.

— Только когда я смеюсь над твоими унылыми попытками флиртовать, док, — фыркает она, но сразу же морщится, потому что ватка с антисептиком касается ее кожи.

Я отворачиваюсь. Меня прямо трясет от ярости.

В дверях появляется констебль. Благо, я его знаю. Грэг Миллер. Мы пересекались пару раз на брифингах по безопасности полетов. В конце концов, я живу в Сомерсби, а он находится не так уж далеко от Госфорда, так что, почему бы и нет? Грэг — неплохой мужик, если не считать того, что он

зануда похлеще меня.

— Доминик, — он кивает мне, не снимая фуражки. Лицо у него — будто лимон проглотил. — Рад, что ты живой. Но... ты опять за старое, Дом? Я думал, ты завязал с этими смертельными номерами после того случая в Квисленде.

Мира с любопытством пялится на меня.

— То был несчастный случай, — цежу я, чувствуя, как внутри поднимается старая горечь. — Грэг, скажи, что шар уже вытащили, — я встаю, не обращая внимания на прострел в колене. — Мне надо горелку посмотреть.

Миллер вздыхает и достает блокнот.

— Шар достают. Водолазы работают. Но у нас проблемы, Дом. Серьезные проблемы.

Он переводит взгляд на Миру — та мигом затихает и настораживает уши.

— Трос, — говорит Миллер вполголоса. — Криминалисты осмотрели ту часть троса, что осталась на мосту, и ту, что была на девчонке.

— Он лопнул от перегрузки, — вызывающе звонко встречает Мира. — Этот ваш «пилот» устроил такую болтанку!

— Мисс Ориноко, помолчите, — устало просит Грэг. — Трос не лопнул. Его подрезали.

В приемном покое становится резко слишком тихо. У меня земля уходит из-под ног.

— Надпил на семьдесят процентов. Кислота или химический реагент. Он должен был порваться. Это точно не

несчастный случай, Дом. Это либо покушение на нее, — он кивает на Миру, — либо очень изощренная подстава.

Я смотрю на Миру. Вся ее бравлада исчезает. Она бледнеет так быстро, что веснушки на носу становятся похожи на брызги грязи.

— Кто-то хотел меня убить? — шепчет она, и в ее глазах впервые мелькает настоящий ужас.

— Мы выясняем, — отрезает Миллер. — И... еще у нас тут жалоба от Мостовой службы, — сержант переводит взгляд на меня, хотя по-прежнему говорит о Мире, — Они утверждают, что девица прыгала без разрешения. А теперь плохие новости для тебя, Эльрой. Ты, как оказалось, вообще не должен был подниматься.

Я хмурюсь.

— У меня был полетный план. Посмотри в базе.

— Я смотрю, Дом. И вижу, что твоя страховка гражданской ответственности... истекла вчера.

Я напрягаюсь. Куда уж хуже?

Холод, который я чувствовал от воды, кажется легким бризом по сравнению с тем, что я ощущаю сейчас. Он прав, конечно. Я надеялся, что оплатил счет на месяц вперед, но ещё сегодня утром понял, что это не так.

Но на всякий случай я беру свой рюкзак и тянусь к карману, где всегда в непромокаемом файле лежит моя кожаная папка с документами. Пусто.

— Черт... Папка. Наверное, она вывалилась в корзину,

или...

Я вспоминаю момент удара. Момент, когда я поймал Миру. Момент, когда корзина накренилась. Моя папка могла вылететь? Почему тогда молния рюкзака застегнута? Это я на автомате поправил?

Я перевожу взгляд на Миру. Она стоит, обхватив себя руками, и мелко дрожит. Ее выражение лица странное, и я даже поначалу не могу разгадать, что это. Жалость? Триумф? Нет, что-то другое. Она будто бы что-то знает.

— Сержант, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Страховка должна быть продлена автоматически. Это какая-то ошибка в системе.

— Ошибка или нет, парень, но без действующего полиса этот инцидент переходит из разряда «бывает» в разряд «ты попал на полмиллиона», — Миллер сочувственно кивает головой. — Ущерб мосту, работы по извлечению шара из реки, штраф за создание аварийной ситуации... Твоей конторе «Аэро-Дом» конец. Плюс к тому же, департамент гражданской авиации приостанавливает твою лицензию до окончания расследования. Ты — участник происшествия, которое, возможно, носит криминальный подтекст. Пока мы не проверим и не исключим версию, что это ты специально подстроил аварию ради страховки или саморекламы, не видать тебе неба.

— Что?! — я делаю шаг вперед, и Грэг инстинктивно кладет руку на кобуру. — Ты спятил? Я чуть не погиб! Я спас

ее! Какого черта, какая самореклама?

— Процедура, Доминик. Ты знаешь правила. Твой шар был в месте падения.

— У меня весь бизнес рухнет! Заказов на месяц вперед! Свадьбы, туристы!

— Отменишь, — равнодушно бросает Миллер. — И ещё. Вам обоим предписано не покидать штат. А лучше — не выезжать за пределы зоны следствия. Завтра утром вы должны быть в кабинете следователя в Брисбене. Там находится отдел по расследованию авиационных инцидентов.

— В Брисбене? — переспрашивает Мира. — Брисбен в девяти часах езды отсюда!

— В Брисбене, — спокойно подтверждает Миллер. — Плюс ваше дело отнесли к «особо сложным», показания точно будут снимать там.

Миллер захлопывает блокнот.

— Свободны. Пока что.

Он уходит, а я стою и смотрю в стену. Без лицензии я никто. Без шара я банкрот. У меня есть сбережения, но их хватит на пару месяцев аренды ангара и выплат неустоек клиентам. А потом? Потом я буду работать таксистом в Uber?

— Эй, — голос Миры вырывает меня из ступора.

Я поворачиваюсь. Она стоит рядом, босая, в этой нелепой больничной пижаме, прижимая к груди пластиковый пакет с мокрыми вещами, и теперь не кажется такой задиристой. Она кусает губу, и глубокая царапина на ее щеке даже после

обработки выглядит так себе.

— Послушай, — тихо говорит она. — Если у тебя проблемы с деньгами...

— Мне не нужны твои советы, — обрываю я ее. — Тебе самой проблем хватает. Я знаю, что твой техник уже дал показания, и, насколько я понимаю, он не собирается брать вину за лопнувший трос на себя.

— Откуда знаешь? — прищуривается Мира.

— Видел записи в блокноте Миллера, — честно отвечаю ей я.

Она бледнеет. Розовый цвет ее волос на фоне мертвенно-бледной кожи кажется теперь не милым, а каким-то болезненным.

— Марк никогда бы... — шепчет она. Потом замолкает на несколько минут и вдруг спрашивает:

— У тебя есть телефон? Кажется, мой вылетел вместе с кошельком и ключами от квартиры и машины.

Я медленно, с наслаждением выдыхаю через нос.

— То есть, ты хочешь сказать, — мой голос звучит обманчиво ласково, — что у тебя нет связи, нет денег и тебе некуда идти?

— Ну, технически у меня есть квартира, — она пытается сохранить остатки достоинства. — Но ключи, скорее всего, на дне реки. А дубликат у хозяйки. Я живу на одном конце Сиднея, а она — на другом.

— Потрясающе.

Я раскрываю свой пакет с влажной одеждой и достаю из кармана джинсов свой телефон в водонепроницаемом чехле. Профессиональная привычка, кстати.

— Вызови такси, — требую я. — У меня нет желания играть в благотворительность.

— Куда? — она разводит руками. — К закрытой двери? И у меня там кот, между прочим. Мистер Зефирка. Его кормить надо. Даже не знаю, что делать.

— Это твои проблемы.

— Слушай, летун! — вспыхивает она. — Меня только что, очень вероятно, пытались убить! Может проявишь хоть каплю человечности?

— Человечность умерла в тот момент, когда твой ботинок встретился с моим коленом.

Я разворачиваюсь и хромаю к выходу. Мне нужно на воздух. Мне нужно оценить ущерб. Мне нужно выпить чего-нибудь крепче кофе, желательно прямо из горла.

На парковке, примерно в восьми минутах ходьбы отсюда стоит моя машина. Единственное, что у меня осталось целым и сухим. Оливер Смит — местный фермер из Северного Ричмонда, с которым у меня договоренность по перегонке моего пикапа «Тойота Хайлакс» до Госфорда, уже, кажется, вечность, ни разу меня не подвел.

Я подхожу к машине, достаю ключи. Руки дрожат, и это бесит. Мой черный, матовый, квадратный как кирпич, надежный как крепость, «Хайлакс» сейчас отправится домой

без моей девочки.

— Эй, стой!

Мира со всех ног несется ко мне, шлепая босыми ногами по раскаленному асфальту. Больничная пижама на ней развевается, как парус.

— Ты не можешь бросить меня здесь! — задыхается она.
— Мне завтра в Брисбен надо. Как и тебе.

— Давай на автобус. Или позвони из больницы своему парню — пусть заберет.

— Без денег? — она хватается меня за рукав, игнорируя шпильку про парня мимо ушей. — Послушай... Доминик. Пожалуйста.

Я замираю. Это первый раз, когда она назвала меня по имени. У нее глаза на мокром месте.

Я разглядываю этот розовый хаос, ворвавшийся в мою жизнь. Обращаю внимание на то, что она дрожит — хотя на улице двадцать шесть градусов. Если ее взаправду пытались убить, то оставлять ее тут одну — это почти соучастие. А я, черт возьми, не убийца. Я просто мудака.

— Садись, — рычу я, открывая пассажирскую дверь.

Она моргает, не веря своему счастью.

— Правда?

— Садись, пока я не передумал. Но предупреждаю сразу: хоть слово про то, как я вожу, или про музыку, которую я слушаю, или про то, что в салоне кожей пахнет, а не ванильной, — и, гарантирую, — сразу же пойдешь пешком.

Она ныряет в салон. Я обхожу машину, падаю на водительское сидение и кладу голову на руль.

— Куда мы едем? — тихо спрашивает она.

— Ко мне, — отвечаю я глухо. — Потому что везти тебя за слесарем, который сможет взломать дверь твоей квартиры у меня нет ни сил, ни времени. Сегодня в двадцать два ноль ноль мы выезжаем в Брисбен.

— К тебе? — она оглядывает салон, замечая идеальный порядок: ни пылинки, ни лишних чеков, только карта полетов и бутылка воды. — Надеюсь, ты не маньяк, который делает абажуры из кожи своих жертв?

— Не лсти себе, — я завожу двигатель. Мотор рычит, и этот звук немного успокаивает. — Ты не в моем вкусе. Я люблю женщин, которые не падают с неба. И не выглядят как персонажи из детских раскрасок.

— А я не люблю мужчин, у которых эмоциональный диапазон как у зубочистки, — парирует она, пристегиваясь.

Мы выезжаем с парковки. Госфорд плавится в полуденном зное.

— Кстати, — говорит она через минуту, глядя в окно. — Спасибо.

— За что? За то, что не оставил на парковке?

— За то, что поймал.

Я смотрю на нее в зеркало заднего вида. Она не смотрит на меня. Она разглядывает свои руки, на которых остались красные следы от троса.

— Ты должна мне шар, Мира, — напоминаю я, но уже без прежней злости.

Просто констатирую факт. — Вероятно, мне придется вытрясти из твоих врагов душу, кем бы они ни были.

— Вставай в очередь, — мрачно отзывается она. — Я планирую это сделать первой.

Некоторое, довольно непродолжительное время, мы едем в тишине. Только гул кондиционера и шум города.

Неожиданно мой телефон оживает. Звонок с неизвестного номера.

Включаю громкую связь.

— Эльрой, — говорю я.

Из динамика слышится треск, потом искаженный механический голос:

— Зря ты поймал эту птичку, пилот. Отпусти, пока не поздно.

Связь обрывается. Резко жму на тормоз. Мира вжимается в сиденье.

— Это... — она сглатывает. — Что сейчас было? Тебе угрожают из-за меня?

Пожимаю плечами. Что я могу ей на это ответить? Что, возможно, такими темпами наша поездка в Брисбен может оказаться «веселенькой»?

— Мира? — зову я.

— Что?

— У тебя есть аллергия на собак?

— Нет. А что?

— У меня дома доберман. Его зовут Цербер. И он чужаков не жалует.

— Отлично, — нервно смеется она. — Мы найдем общий язык. Я тоже кусаюсь, когда мне страшно.

— Я заметил.

Мы сворачиваем на трассу ведущую от центра к моему дому в пригороде. Впереди бесконечный день, ночь в пути и неизвестность.

— Знаешь, — поворачивается она ко мне. — Если меня собираются убить, хочу хотя бы поесть. У тебя есть еда? Или ты питаешься солнечным светом и снобизмом?

Я усмехаюсь. Откуда в этой хрупкой девчонке столько огня?

— Бургеры с маринованной свеклой, стейки и вино.

— Пойдет, — кивает она. — Но готовить, чур, буду я. А то ты выглядишь так, будто и воду сожжешь.

— Прямо пожар? — коварно приподнимаю бровь.

Мира смущается и молчит. А я смотрю на дорогу и мне вдруг чудится, что я вижу силуэт воздушного шара. Призрак прошлой жизни, в которой где все было просто и понятно.

Глава 4. Мира

Никогда не судите книгу по обложке. Обложка может быть блестящей, как фантик от конфеты, а под ней — целый трактат о военной стратегии. К сожалению, люди в принципе очень часто судят других людей: как только они видят мои розовые волосы, то сразу же думают: «Очередная инфантильная дурочка, пересмотрела аниме». Они не в курсе, что розовый — не цвет наивности, просто не в курсе! Это цвет-предупреждение. Как у ядовитых лягушек Амазонии. Не тронь, иначе парализует нервную систему. Например, южной корробори, которая обитает в горах Нового Южного Уэльса. Маленькая, гладкая, черная, с желтыми яркими полосками, будто игрушечная. Чуть было не потрогала я одну такую в детстве. Спасибо папе, что успел схватить меня раньше, чем я — осуществить свой интересный план. К слову, мой вам совет: если вы в Австралии и хотите дожить хотя бы до ужина, запомните одну заповедь: не лезьте ни к чему, что шевелится, плывет, ползет или валяется без признаков жизни. Особенно последнее — это самый опасный вариант. Если вкратце, ради вашей безопасности повторяю: вообще не прикасайтесь ни к чему в Австралии, и будет вам счастье. Ну или таскайте с собой антидоты на все случаи жизни. Вот и вся наука.

Сижу сейчас на пассажирском сиденье его танка — он на-

зывает это машиной — и стараюсь громко не дышать. Внутри салона слишком чисто: ни фантиков от жвачки, ни забытых стаканчиков с кофе, да что там — он, похоже, приборную панель от пыли протирает! Чувствую, если я чихну, сработает система пожаротушения и зальет меня пеной. Однажды я уже сталкивалась с таким типажом мужчин: мы с отцом ехали вместе с его другом, бывшим военным. Там в машине чихать вообще было запрещено под страхом смерти. Шучу, конечно, но атмосфера — та же.

Едем всего минут десять, но сразу за Госфордом начинается настоящая эвкалиптовая глухомань. Тычусь носом в стекло, пытаюсь высмотреть хоть один жилой дом, но вижу только высокие, белесые стволы эвкалиптов, которые тянутся вдоль дороги с обеих сторон. Похоже, мы с головой ухнули прямо в субтропические дебри, и только выжженная солнцем трава напоминает о том, что мы все еще скользим по пригороду.

Кондиционер дует так, что по коже бегут мурашки.

— Тебе не холодно? — спрашивает Доминик, не отрывая взгляда от дороги.

Голос у него — низкий баритон с легкой хрипотцой, вибрирует где-то у меня в груди. Это раздражает.

Мужчины с такими голосами обычно продают тебе страховку, которая не покрывает ничего, или разбивают тебе сердце, даже не заметив этого.

— Мне нормально, — лгу я, обнимая себя за плечи. —

Я люблю, когда климат-контроль настроен на режим «Это очень бодрит».

Он бросает на меня короткий взгляд. Его глаза синего кобальтового цвета предгрозового неба с каким-то металлическим отблеском сканируют меня так, словно я штрих-код.

— Сарказм — защитная реакция подростков, Мира.

— А занудство — признак ранней старости, Доминик. Сколько тебе? Тридцать два? Такое ощущение, что твой любимый цвет — бежевый. Ты выглядишь как человек, который любит бежевый.

Его пальцы на руле сжимаются чуть сильнее. Костяшки белеют. У него красивые руки, отмечаю я про себя. Крупные, с длинными пальцами и выступающими венами. Я знаю, что под рубашкой — обалденная татуировка крыльев, которая сама по себе уже сводит меня с ума. У него руки пилота. Руки, которые умеют держать контроль. И которые, к моему стыду, совсем недавно держали меня, спасая от смерти.

— Мне нравится бежевый, — сухо отвечает он. — Он практичный. В отличие от... этого.

Он делает неопределенный жест рукой в мою сторону.

— Этого? — я приподнимаю бровь, потому что сейчас на мне до сих пор больничная пижама. — Если ты о моей одежде, в которую была одета ранее, то это называется индивидуальность, Эльрой. Попробуй как-нибудь. Это не больно.

— Я говорю не про одежду. Я говорю про твой... стиль жизни. Прыгать с мостов. Красить волосы в цвет ядерного

взрыва на фабрике Барби. Ввязываться в истории с криминалом. Ты ходячая энтропия в человеческом обличье, Мира.

Я отворачиваюсь к окну, за которым теперь проносится бесконечный австралийский буш. Коричневая земля, серо-зеленые деревья, бесконечное синее небо. Красиво и смертельно опасно, как и вся эта ситуация.

— Здесь что, живут только отшельники и лесные феи? — наконец спросила я, не удержавшись. — И вообще, хаос — это единственное честное состояние, — говорю я. — Порядок — это выдумка, таких упырей контроля, как ты, чтобы с ума от страха не съехать.

— Страх перед чем?

— Ну, например, перед тем, что трос может перетереться в любой момент, даже если ты его трижды проверял.

В салоне восстанавливается тишина. И мне почему-то кажется: мы сейчас об одном и том же думаем. Кто меня так люто ненавидит, чтобы хладнокровно испортить страховочную веревку? Кто звонил и наезжал на Эльроя из-за меня?

Под ложечкой начинает сосать. Желудок скручивается в узел, но я держу лицо. Я Мира Ориноко, я прыгала с высоты в пятьдесят метров — а это, между прочим, как шестнадцать этажей! Я сотни раз смотрела страху в глаза. Но тогда страх был моим выбором. А сейчас он выбрал меня сам.

Несколько лет назад я точно также боялась экзамена по прыжкам с тарзанки. Да, если вы вдруг не знали, привет, такой экзамен тоже существует.

— Расскажи мне про своего отца, — внезапно говорит Доминик. Я вздрагиваю.

— С чего такой интерес? Хочешь составить родословную моих психотравм?

— Мне кажется, я о нем слышал. В авиационной тусовке Квисленда и Нового Южного Уэльса все друг друга знают. Фамилия Ориноко редкая. Был один пилот, лет десять назад... Я тогда только начинал. Маркус Ориноко. Частные рейсы на север.

Я впиваюсь ногтями в ладони. Боль отрезвляет.

— Был, — отрезаю я. — Ключевое слово: «был».

— Он разбился?

— Он пропал.

Доминик молчит. Ждет продолжения, но я не собираюсь выворачивать душу перед человеком, который смотрит на меня как на досадную погрешность в своем идеальном графике.

Однажды я уже попробовала откровенно рассказать о себе и своей жизни чужому человеку. Ехала из Брисбена в Сидней на поезде, и, как полагается по этикету в пути, у меня завязалась довольно позитивная беседа с попутчиком. Мужик в лазурного цвета рубашке с пальмами напротив полтора часа терпеливо кивал, жевал бургеры, а потом спросил: «Вы серьезно? А я думал, вы сценарий на мне репетируете. Ну, типа... Вы актриса?». Больше желания повторять подобное, если честно, так и не возникало. От одиночества меня

успешно спасают наушники с инди-попом, электропопом и поп-роком.

— Он улетел и не вернулся, — говорю я, глядя на свое отражение в боковом зеркале. Ягодно-розовые волосы, собранные в два хвоста, размазанная тушь (блин, ну хоть бы кто намекнул, что я не все смыла!), испуганные глаза. — В официальной бумажке написано: «отказ навигационного оборудования в сложных метеоусловиях». А обломков так и не нашли.

— Мне жаль.

— Не надо. Я сама потом два месяца названивала во все инстанции. И даже на старом «Сессне» летала — искала хоть что-то. Зато я усвоила главный урок: если летать — то только к земле, а не от неё. Потому что разницы ноль. Всё равно это падение. Хотя бы себе врать незачем.

Чёрт, душу я всё-таки вывернула. Как ему это удаётся? Сидит, молчит — а из меня всё само лезет. И ведь теперь не отвяжешься.

Дорога круто сворачивает влево и уползает в гору, а справа вырастает старый железнодорожный мост без перил.

Я почему-то снова лезу в рюкзак, который оказывается как раз поблизости, и вдруг нахожу все, в том числе и ключи от дома. Как же так?!

Машина начинает сбавлять скорость. Мотор будто бы чихает. Один раз, второй. Потом Хайлакс дергается, как эпилептик, на приборной панели вспыхивает гирлянда из крас-

ных лампочек, а из под капота начинает валить дым. Машина глохнет на подъеме, но Доминик успевает съехать в «карман» перед мостом, чтобы не блокировать движение, которого, по правде, тут почти и нет.

— Что за?.. — Доминик хмурится, глядя на приборы.

— Кажется, твой бежевый мир дает трещину, — комментирую я, хотя внутри все сжимается. Мы посреди чертовой глуши.

Двигатель глохнет окончательно. ГУР отключается, но машина успевает поднять облако красной пыли. Тишина накрывает нас мгновенно. Кондиционер умирает, и в салон тут же начинает просачиваться удушливая австралийская жара.

— Это невозможно, — бормочет он, ударяя ладонью по рулю. — Я забрал ее с техобслуживания три дня назад.

— Техника ломается, Эльрой. Даже если ты читаешь ей на ночь инструкции по эксплуатации.

— Отлично! Между прочим, к твоему сведению, в радиусе пяти километров нет ни одного жилого дома.

Он распахивает дверь и выходит наружу. Жара тут же бьет мне в лицо, будто бы из открытой духовки. Я вылезая следом и тут же морщусь от боли в босых ногах. Асфальт раскален, и мне приходится перепрыгнуть на сухую траву у обочины.

Доминик открывает капот. Оттуда валит какой-то странный пар с химическим запахом.

— Перегрев? — спрашиваю я, подходя ближе и заглядывая ему через плечо.

— Датчики показывали норму, — он проводит рукой по волосам, взъерошил их. Теперь он выглядит чуть более человеческим. И чертовски злым. — Радиатор цел. Ремни на месте. Какого дьявола?

Я принимаю. Запах как будто бы мне знаком. Резкий, сладковатый.

— Это не антифриз, — говорю я. — Это сахар.

Он поворачивается ко мне так внезапно, что я отшатываюсь.

— Что ты несешь?

— Понюхай. Пахнет как жженая карамель. Мне кажется, кто-то добавил тебе сироп в систему охлаждения, гений. موتور заклинило.

Доминик смотрит на меня как на умалишенную, потом наклоняется к двигателю, втягивает носом воздух. Его лицо каменеет.

— Какого... лешего, — выдыхает он. — Они добрались до машины.

Он захлопывает капот с таким грохотом, что с ближайшего эвкалипта срывается стая какаду.

— Мои враги работают с размахом, — я нервно хихикаю, не в силах всерьез осознать происходящее.

— Телефон, — командует он, а потом идет и забирает его с приборной панели.

Я достаю свой.

— «Нет сигнала», — констатирую я, глядя на пустые па-

лочки антенны.

— Мы в низине, плюс скальные выходы глушат сигнал, — констатирует Доминик.

Мы стоим посреди трассы. В обе стороны горизонт дрожит от жары. Ни одной машины. Воскресенье, середина дня, второстепенная дорога, которую Доминик выбрал, чтобы «срезать путь и избежать пробок». Молодец, стратег.

— Стоп, — он упирает руки в боки и подходит ко мне вплотную. — Ты же сказала, что у тебя нет телефона.

Я сдавленно хмыкаю.

— Наверное, мне было плохо. Дезориентация. Я поискала снова и нашла его. Правда, теперь это все равно вряд ли нам чем-то поможет.

Доминик недовольно цокает.

— У нас есть вода, — он начинает переходить в режим командира. — Пять литров в багажнике, и аптечка. До темноты часов шесть. Идти пешком бессмысленно, мы испечемся.

— И что ты предлагаешь? Ждать принца на белом эвакуаторе?

Доминик недовольно хмыкнул.

— Ждать проезжающую машину. Хотя это и не федеральная трасса, но это ключевая магистраль штата. Кто-то должен проехать.

Он снимает рубашку, оставаясь в белой майке. Она облегает его торс так, что мне становится ещё жарче, и я буквально боюсь получить солнечный удар. Черт возьми, поче-

му он такой... скульптурный-то? Широкие плечи, рельефные мышцы, ни грамма лишнего жира. Он выглядит как из рекламы мужского парфюма «Дикость», только вместо аромата сандала от него разит раздражением.

— Не пялся, Ориноко, — бросает он, открывая багажник.

— Я не пялюсь, я оцениваю шансы на каннибализм. Если мы тут застрянем на неделю, тебя хватит надолго. Мяс много.

— Очень смешно.

Он достает канистру с водой. А потом вытаскивает еще отдельно полуторалитровку и бросает мне бутылку. Я ловлю ее на лету.

— Я — переодеваться.

— Теперь моя очередь оценивать шансы? — Доминик поднимает бровь и усмехается.

— Ты о чем? Посмотри на меня внимательно, во мне пятьдесят килограмм веса. Шансов нет, Лектор.

И... этот наглец делает ровно то, о чем я попросила. Внимательно плотоядно рассматривает меня.

Я смущаюсь от такого откровенного нахальства, отвожу взгляд и замолкаю.

К моему облегчению, Доминик не мешает мне переодеваться. Но когда я выхожу, он выразительно вздыхает, а потом делает вид, что крутит своим указательным пальцем над моей головой.

— На твоём месте я бы разделся... — начинает он.

Я не менее выразительно давлюсь слюнями и кашляю.

— Как минимум поэтому на моём месте — я.

— Господи, да я про юбку! Ты зацепишь этот зефир обо все, о что только можно зацепить... У тебя же там, под ней...

Я шумно выпустила воздух.

— Леггинсы! — выпалил Эльрой. — Леггинсы, я прав?! Вот и останься в них.

Я нехотя стаскиваю юбку и засовываю в рюкзак. Вещи быстро сохнут на палящем солнце, но продолжают ужасно пахнуть тиной.

— Мы мишени, Доминик, — говорю я серьёзно, наконец добравшись снова до бутылки с водой и откручивая крышку.

— Они знали, где находится твоя машина. Они попытались испортить мотор. Они могут быть где-то рядом.

Он замирает. В его глазах мелькает понимание. Он смотрит на холмы вдалеке.

— Садись в машину, — тихо говорит он. — Заблокирую двери. Я буду снаружи.

— Ага, шас. Чтоб тебя первого сняли снайперы, а я сидела там, как консервы? Нет уж.

Я подхожу к нему. Мы стоим у открытого багажника.

— Ты умеешь стрелять? — спрашивает он вдруг.

— Я умею вязать узлы, от которых невозможно освободиться, и могу вскрыть замок шпилькой за тридцать секунд. Стрелять не пробовала. А что, у тебя есть пушка?

— Орино-о-о-ко, — страдальчески застонал Доминик. — Если ты можешь вскрыть замок шпилькой за тридцать секунд, то какого лешего ты увязалась за мной? Вскрыла бы свою квартиру в Сиднее...

— Она не моя. Она — хозяйская. И я не уверена, что это было бы законно.

— Сказала девушка, которая и так уже нарушила...

— Ой, да я тут не одна такая! — я всплеснула руками. — По делу что-то скажешь?

— Теперь я опасаюсь давать тебе пушку.

— Так она у тебя все-таки есть? — я прищурилась, уперев руки в боки.

— В бардачке сигнальная ракетница. И монтировка.

— Богатый арсенал. Против профессионалов мы продержимся ровно три секунды.

Внезапно в тишине раздается жужжание. И оно приближается.

— Машина? — с надеждой спрашиваю я.

Доминик прищуривается, глядя в небо.

— Нет, — его голос становится ледяным. — Это дрон.

Мы видим его. Маленькая черная точка, зависшая почти неподвижно в метрах ста над дорогой.

— Они следят за нами, — шепчу я, чувствуя как по спине течет холодный пот.

Он хватает меня за руку и тащит за машину, скрывая от прямого обзора.

— Слушай меня внимательно, Мира. Если этот дрон здесь, оператор, скорее всего, где-то в радиусе пары километров. У них есть преимущество, да, но о кое-чем они наверняка не знают.

— О чем? — мои зубы стучат, несмотря на жару.

Доминик смотрит мне прямо в глаза. В этот момент, благо, он не кажется мне ни старым, ни скучным. Он кажется опасным.

— Они не в курсе, что я знаю эту местность лучше, чем свою квартиру. Пойдем в лес.

— Бросим машину здесь? Пойдем пешком? По бушу?

— У тебя есть другие идеи? Дрон может зацепиться за ветки.

Я неотрывно смотрю на дрон, который начинает снижаться.

— Нет, — выдыхаю я. — Веди, Индиана Джонс. Только если меня укусит змея, я засужу тебя даже с того света, понял?

Он усмехается.

Мы берем рюкзаки, ракетницу, воду, аптечку, в-общем, по-быстрому распахиваем все, что может мало-мальски пригодиться, срываемся с места и ныряем в высокую, колючую траву, оставив позади сломанную машину и мою веру в то, что этот день может закончиться хэппи-эндом.

Глава 5. Доминик

Человеческая глупость — ресурс неисчерпаемый, и моя как раз сейчас бьет все рекорды. Затащить девчонку в буш, полагаясь на память десятилетней давности — такая себе затея, если честно.

Пять вечера. Длинные тени уже наползают со склонов, горячий воздух теряет дневную ярость. Не то, чтобы стало холодно, — градусов двадцать восемь, но после тридцати пяти градусной жары эта разница нервы выматывает.

Последний раз я был здесь с отцом и тогда я ещё верил, что память меня не подведет. Как же наивно.

— Ты сказал, там есть мост, — голос Миры дрожит от усталости. — Я вижу только камни, колючки и... о боже, что это шуршит?

— Паранойя твоя шуршит, — бросаю я, хотя сам начинаю напряженно вслушиваться. — Мост должен быть, его строили еще бывшие каторжники. Арка глухая и нас даже с тепловизором не вычислят — камни, скорее всего, накалились и фонят.

— Эльрой, если там стаи диких собак, то, чтобы я успела убежать и остаться в живых, я скормлю им тебя, так и знай. В тебе мяса больше.

Однажды я уже попадал в такое место, и даже ночью, без воды. Правда, с тех пор со мной всегда нож и компас... И

вообще это был идиотский опыт.

Мы идем почти на ощупь. Внизу густые кроны эвкалиптов и склоны холмов крадут остатки света.

Я заставляю Миру выключить телефон на всякий случай, чтобы нас засекли по сигналу. Чувствую вину. Почему-то меня не оставляет ощущение, что это я втянул ее во все это в тот момент, когда поймал ее. Но иначе я поступить не мог. Может быть, надо было отказать ей там, на парковке, и тогда она была бы в безопасности? Мира натягивает мои запасные носки на руки, чтобы не ободрать кожу об кустарник. Выглядит это эпично. Как будто Микки Маус сбежал из Диснейленда и ударился в бродяжничество.

— Стой, — я резко останавливаюсь, выставляя руку назад. Она врежется в меня носом.

— Ауч! Ты можешь тормозить плавнее? У тебя есть стоп-сигналы на заднице?

— Тише.

Впереди чернеет провал. Глубокий овраг, склоны которого густо заросли ежевикой.

— Тупик, — констатирую я. — Я сбился с пути. Мост должен быть правее, вдоль русла.

Мира издает звук, похожий на сдувающийся воздушный шарик. А потом просто садится прямо в пыль на землю.

— Отлично. Просто великолепно. Мы умрем здесь, и наши скелеты найдут через сто лет. Археологи будут гадать, почему на моих руках мужские носки. Ритуальное жертво-

приношение богу Хлопка?

Я опускаюсь рядом, прислоняясь спиной к валуну.

— Мы не умрем. Часика три продержимся... А потом сориентируемся.

— Доминик, — она поворачивается ко мне. — Ты правда нихрена не понимаешь? Они видели, куда мы побежали. Ты наивно считаешь, что они будут ждать три часа?

— Дрон потерял нас в эвкалиптовой лесополосе. Плюс у него тепловизор, камни нагреты солнцем, они здесь везде и они фонят. Плюс деревья... Мы сливаемся с ландшафтом. Ну почти. Если не учитывать, что твои волосы светятся в спектре семьсот нанометров.

— Ты так уверенно говоришь о технологиях слежения. Откуда такие познания? Может быть, шпионских сериалов пересмотрел? Или у тебя темное прошлое в наличии? Ой, или ты бывший агент ноль ноль семь, который ушел в отставку, чтобы шарики надувать?

Я усмехаюсь. Если бы она знала.

— Я служил в разведке ВВС, — говорю я просто. — Три года. Аналитиком данных с беспилотников.

Она молчит с полминуты, переваривая информацию.

— Ва-а-ау! — с восторгом восклицает она. — Так значит ты не про-о-осто зануда, — Мира намеренно растягивает гласные, расставляя акценты. — Ты — *квалифицированный* зануда с допуском к гостайне? Это вовсе меняет дело! Теперь я чувствую себя в безопасности... почти, — добавля-

ет иронично. — Слу-у-ушай, раз уж мы тут застряли... Может быть, расскажешь мне, почему ты такой? — Она крутит пальцем по спирали над головой.

— Какой? — прищуриваюсь я, не понимая.

— Ну-у-у... Такой... деревянный что-ли. Ты как будто пытаешься все контролировать. Посмотри, — мы в полной жопе, а ты даже сидишь «по стойке смирно», будто у тебя штырь в позвоночнике. Ты вообще когда-нибудь расслабляешься?

— Контроль — это выживание, Мира. Если ты пилот, то ты не имеешь права на «расслабиться». Ошибка — это смерть. Не твоя — так пассажиров. Спасибо, но один раз я уже расслабился. Давненько это было.

— И что случилось?

— Ничего не случилось. Я не перепроверил прогноз погоды, понадеявшись на диспетчера. Ну и мы попали в грозовой фронт. Воздушный шар швыряло из стороны в сторону как щепку. Со мной тогда в гондоле была семья с маленькой девочкой лет пяти. Она кричала, блин, так, что я до сих пор периодически слышу этот звук, когда закрываю глаза.

Я замолкаю. Воспоминание жжет горло.

— Мы сели, — продолжаю я глухо. — Жестко, но все живы. Ни царапины. Но как только мы коснулись земли, отец девочки ударил меня прямо в лицо. И он был прав. Я подверг их риску из-за своей лени. С тех пор я проверяю все. Трижды.

Мира молчит. Я чувствую ее тепло рядом. Она придвинулась вплотную, и теперь касается плечом моего плеча.

— Знаешь, — говорит она, — мой отец был другим. Он вообще ничего не проверял. Он говорил: «Небо само решит, принимать нас или нет». Он был фаталистом. Может, поэтому и исчез. Небо было с ним заодно и просто решило его забрать.

— Фатализм — это оправдание для безответственности. Небу плевать на твою веру в него. Я однажды попробовал этот ваш фатализм. Поддался уговорам лучшего друга. Все было просто, за меня должна была решить монетка: орел — лечу, решка — не лечу. Я взлетел, а через полчаса у меня заглохла одна из конфорок. С тех пор я допускаю фатализм только в одном случае, Ориноко: когда беру лимонад в автомате с газировкой. А в небе — только голова и руки.

— Может быть. А может, это свобода. Ты живешь в клетке своих правил, Доминик.

Ты не летишь, ты ползешь по расписанию. А полет — это когда отпускаешь.

— Отпустишь штурвал — разобьешься.

— Если не отпустишь себя, то никогда и не взлетишь по-настоящему.

Внезапно Мира вздрагивает, вскрикивает и отскакивает от меня.

— Черт! Что-то укусило меня!

Я мгновенно оказываюсь рядом, хватаю ее за ногу. Вклю-

чаю фонарик на телефоне и свечу на икру, чуть выше гетров. На бледной коже — две маленькие красные точки.

Змея.

Внутри все обрывается. В Австралии «что-то укусило» обычно означает, что у тебя есть от пятнадцати минут до часа, чтобы написать завещание. Это приговор. Помнится, я у себя в голове уже написал его с десятков раз так точно... Один раз — когда меня укусил питон. Второй — когда наступил на кустарниковую гадюку в Квинсленде. К моему нереальному счастью она меня не тронула, а я потом час сидел в машине, глотал валерианку и клялся самому себе, что больше никогда не буду ходить в лес без специальных обмоток от змей.

— Покажи, — команду я, осматривая рану. Отека пока нет.

Шарю фонариком по траве. Никого. Тварь уползла.

— Это змея? — голос Миры срывается на визг. — Скажи мне, что это муравей-мутант! Доминик!

— Тихо! Не паникуй. Сердцебиение разгоняет яд.

Я судорожно вспоминаю виды змей в этом регионе. Коричневая змея? Тайпан? Смертельная змея? Все варианты — плохие.

— Больно?

— Жжет. Как огнем.

Я срываю с себя ремень.

— Мне нужно перетянуть ногу выше укуса. И... мне нужно отсосать яд.

— Что?! — она смотрит на меня как на сумасшедшего. — Ты не будешь этого делать! Это не кино!

— У тебя есть сыворотка в кармане? Противоядие? Нет? Тогда заткнись.

Я перетягиваю ей икру прямо под коленом ремнем. Потом наклоняюсь к ране. Кожа у нее холодная и грязная, вся в пыли и царапинах.

— Если я умру, — шепчет она, пока я прижимаюсь губами к ранке, — пообещай, что удалишь историю браузера в моем телефоне.

Я сплевываю соленую кровь на землю.

— Ты не умрешь, идиотка. Ты слишком вредная, чтобы тебя взял яд.

Я делаю это снова и снова. Вкус металла во рту. Ее нога дрожит в моих руках.

— Доминик...

— Молчи.

Через пять минут я останавливаюсь. Вытираю рот тыльной стороной ладони. Небольшой отек уже есть, но он, вроде, не увеличивается.

— Как самочувствие? Головокружение? Тошнота?

— Меня тошнит от страха, — признается она. — И нога немеет. Но вроде... вроде я ещё здесь.

Я смотрю на ранки внимательнее. Расстояние между зубами маленькое. Слишком маленькое для взрослой коричневой змеи.

— Это была не змея, — выдыхаю я с облегчением, граничащим с истерикой. — Это сколопендра или крупный паук. Больно, неприятно, но не смертельно.

Мира выдыхает так громко, что это похоже на свист пробитого колеса.

— Ты уверен?

— На девяносто процентов. Если бы это был тайпан, ты бы уже билась в конвульсиях.

Она откидывается на камень и начинает нервно смеяться до тех пор, пока смех не переходит в икоту.

— Ты... ты высосал яд паука из моей ноги. Это самое романтическое и самое отвратительное, что со мной делали на первом свидании.

— Это не свидание, — рычу я, убираю ремень, но лодыжку не отпускаю. — Это спасательная операция.

— Как скажешь, герой. Но вкус моих ног теперь навсегда с тобой.

Мира выглядит такой растрепанной, у нее на щеках грязь, но... она как будто бы сбросила шипы. Перестала колотиться, и разглядывает теперь меня с благодарностью и удивлением.

— Почему ты это сделал? — спрашивает она серьезно. — Ты мог отравиться сам, если бы у тебя была ранка во рту.

— Потому что я несу ответственность за пассажиров, — отвечаю я, отводя глаза в сторону. — Даже если пассажир — чокнутая девчонка с розовыми волосами.

— У тебя шрам здесь, — вдруг говорит она и касается

пальцем моей ключицы.

Я перехватываю ее руку. Ее пальцы холодные.

— Осколочное. Афганистан. Я же говорил — я служил.

— А у меня шрам здесь, — она приподнимает мою майку, и касается пальцами правого бока, под грудью, ближе к подмышке. Операция в двенадцать лет.

Я хмуро смотрю на то же место, где она коснулась меня, но на ней.

— Дефект межпредсердной перегородки, — поясняет она. — Ну, дырочка между предсердиями. Мне поставили диагноз поздно. Сердце уже начало расширяться, появилась одышка. Врач сказал: или операция, или через пару лет начнутся серьезные проблемы.

Она замолкает на секунду.

— Мне повезло с хирургом.

Я замираю. Роуп-джампинг? С пороком сердца?

— Ты точно сумасшедшая, — выдыхаю я. — Тебе нельзя... Спорю на сто долларов, твой врач тебе не разрешал вот все это. То, чем ты занималась там на мосту, и...

— Мне тогда сказали, что без операции я не доживу до двадцати. Что мне нельзя бегать, нельзя волноваться. Я решила, что если уж и умирать, то в полете, а не в постели с градусником в заднице. А потом... Потом пропал отец, а следом... Впрочем, неважно. Вряд ли тебе все это интересно. Просто теперь я живу каждый день как последний, Доминик. И делаю, как ты сказал «вот это все», чтобы точно

чувствовать, что мое сердце все еще бьется.

Ее слова бьют меня сильнее, чем я ожидал. Поэтому теперь я смотрю на нее другими глазами. Это не инфантильность, а отчаяние. Это жажда жизни, выкрученная на максимум.

— Ты дурочка, — говорю я мягко. — Храбрая, безрас- судная дурочка.

— А ты конкретно зануда и тот ещё душнила, — она шлет мне ответку и слабо улыбается.

Мое собственное сердце начинает биться сильнее, и ее улыбка вдруг кажется мне красивее всех рассветов, которые я видел с высоты полета.

— Красивый зануда.

Мы сидим плечом к плечу, и мне нравится, как ее розовые волосы щекочат мне шею. И я впервые за долгое время не чувствую одиночества.

Дело движется к вечеру, начинает дуть ветер, и где-то вдалеке лает дикая собака динго.

Я чувствую, как ее голова опускается мне на плечо. Она засыпает. Я не двигаюсь, боясь ее разбудить. Я охраняю ее сон, как Цербер охраняет врата Аида.

Глава 6. Мира

Я стараюсь все делать очень тихо и аккуратно, но Доминик все равно открывает глаза. Я встаю на ноги и начинаю движение по стрелке своего навигатора в телефоне. Все наконец-то работает, хотя Доминик и настаивал на том, чтобы я его выключила. Он-то свой не выключал!

Доминик продирает глаза, вскакивает на ноги и бежит следом за мной. Забавно, как все изменилось за пару часов.

— Эй, эй, Мира! Подожди! Ты куда?

— Я вызвала такси, и оно будет на месте совсем скоро. Не хочу платить ещё и за время ожидания, учитывая, что эта поездочка и так уже выльется мне в крупную сумму.

— Какое, твою мать, такси?! — кажется Доминик злится, а ещё он... разочарован? Удивлен?

— Я тут обнаружила, что дорога в десяти минутах ходу от нас.

— Вот как?! Что ещё ты, черт возьми, обнаружила?

— Не понимаю, чего ты так бесишься. В-общем, встретимся в Брисбене, спасибо тебе, Доминик, и все такое. И адиос!

— Адиос, значит?!

Доминик останавливается, и неверяще качает головой из стороны в сторону. Я не его женщина, так что это нельзя принимать за «я его только что продинамила», так ведь?

Если вы когда-нибудь задавались вопросом, как выглядит утопленная в в сахарном сиропе кошка, то посмотрите на меня. Между прочим, я волосы красила специальным гелевым красителем «Плохая девочка», чтобы цвет спелой неоновой малинки идеально лег. Но сейчас это не малинка, а... У меня нет слов, чтобы описать это безобразие. Неопишваемое оно. Немудрено, что Доминик на меня так постоянно пялился. Я бы и сама пялилась. К слову, из зеркала на меня смотрит «антиэпичное вау». Или «воу-воу», тут уж кому как.

Тушь размазалась просто везде, будто я как минимум месяц кочевала на дрейфующем оазисе. Непонятно, откуда взялось такое ее количество? «Хлопай ресницами и взлетай, Мира», или «хлюпай», тоже подходит.

— Поздравляю, Мира, — шепчу я отражению. — Ты официально стала лицом бренда «Эпичный провал».

Брезгливо стягиваю грязные гетры. Они издают неприятный чавкающий звук, от которого меня передергивает и я ежусь. Очевидно, теперь это просто очень дорогая половая тряпка.

Включаю душ и параллельно думаю о том, что все-таки надо почистить историю браузера. Не хочу попасть в неловкую ситуацию, чтобы потом у меня спрашивали: «Мира, а почему у тебя предыдущий запрос в поисковике «что не могут делать утки кряквы во время линьки». Горячие потоки воды смывают речную грязь, но почему-то они не в силах

смыть чувство, что я влипла по уши. Мои мысли мечутся, как хомяк в колесе.

Я вылезаю из ванны, с меня капает вода. Я снова подхожу к своему «жизнеутверждающему» зеркалу, стираю лишние буквы и меняю некоторые местами в слове «паинька», которое написала помадой еще до того, как умудрилась приземлиться в руки Доминика. Теперь на зеркале вполне законно красуется надпись «паника».

Я выхожу из ванной, завернутая в пушистое полотенце с ушками, и первым делом бросаюсь к рюкзаку. Он валяется на ковре, уже оставив под собой мокрое пятно. В отличие от одежды, он не успел до конца высохнуть.

Я запускаю руку внутрь. Пальцы нащупывают холодную влажную кожу. Массивная, тяжелая, влажная кожаная папка. Откуда она у меня в рюкзаке? Я открываю ее. Внутри — лицензия на полеты на имя Доминика Эльроя, пачка наличных — пара сотен австралийских долларов, куча каких-то квитанций, странная карта с отмеченными точками в аутбэке, кредитки, его водительское удостоверение... Так... Кажется у меня проблемы, да? Его удостоверение тут, а завтра он тоже должен быть в Брисбене. Кхм. Кстати, на фотографии он... все тот же суровый мужчина, только вот в глазах нет той ярости, которую он весь день направлял на меня. Кроме всего этого здесь ещё его кошелек... какого черта происходит? Почему его вещи в моем... Быть не может! Кажется, я была так шокирована сегодняшними событиями, что не заметила,

что... у нас одинаковые рюкзаки. Ну да, оба черные... Ну как такое вообще возможно-то?! Или все-таки он случайно накидал своих вещей в мой рюкзак?!

Очень не вовремя ко мне подходит Мистер Зефирка и начинает тереться об меня и всячески показывать, что пришло время и к нему проявить внимание. Но мои руки сами тянутся к кошельку и расстегивают его. Может быть, там есть вкладка с его номером телефона в случае утери? Пару часов назад я бросила его там... А теперь, очевидно, мне придется снова встретиться с Домиником? Ну нет уж. Как он мне там советовал? Потерял удостоверение — пусть идет на автобус. Сердце делает кульбит и уходит в пятки, намекая на то, что Доминик все-таки не оставил меня одну на парковке.

Вопреки моим ожиданиям — в прозрачном окошке фото. На нем Доминик обнимает парня, который выглядит точь-в-точь как мой погибший брат. Я приглядываюсь. На его шее кулон из гальванизированного титана, абсолютно такой же, как был у Лео: соединенные в облаке молния и спираль. Сомнений быть не может: это мой брат, Лео, смеется, закинув руку на плечо Доминика. Они выглядят как лучшие друзья. Или как братья. Но Лео никогда не упоминал о нем. Никогда.

Второе фото буквально прибивает меня к полу, как вдогонку летящий кирпич: шар Доминика, на который я приземлилась, с надписью: «Ориноко».

В мыслях всплывают слова Доминика:

«Мой шар, Ориноко. Ты понимаешь, что ты наделала?».

Он не называл меня по имени. Он не узнал меня. Возможно, он даже никогда не слышал про мой блог. Вообще про меня. Я усмехнулась. Такого вполне можно было ожидать от Лео. Он не рассказывал обо мне направо и налево своим друзьям.

Получается, Доминик Эльрой не просто пилот, на шар которого я упала. Он — ниточка к прошлому, которое я пыталась похоронить под тоннами адреналина.

Раздается громкий требовательный звонок в дверь. И почему-то у меня вдруг возникает ощущение, что так звонят люди, которые готовы выбить замок.

Я замираю. Сердце снова пускается вскачь и буквально впечатывается в ребра.

— Мира, открывай! Я знаю, что ты там. Я видел свет в окне.

О, этот голос, похожий на рокот мотора... Конечно же, это Доминик.

Я судорожно оглядываюсь. Прятать папку? Куда? Под подушку — тупо. В холодильник — еще тупее. Я запикиваю её в ящик с моим самым кружевным и невинным бельем. Если он туда полезет, у него будут вопросы поважнее, чем водительское удостоверение.

Я натягиваю огромную толстовку с капюшоном, которая доходит мне до середины бедра, и иду к двери.

— Мы не в Квинсленде, Эльрой, здесь частная собственность! — кричу я первое, что приходит мне в голову, приот-

кривая дверь на цепочку.

В щель я вижу его. Он переоделся — теперь на нем черная футболка, которая обтягивает бицепсы так, что становится жалко ткань. Он всё еще выглядит так, будто готов поджечь город одним взглядом.

— Сними цепочку, — цедит он. — Или я решу, что ты прячешь там труп. Я, между прочим, дал тебе достаточно времени привести себя в порядок!

— Я не обязана тебя впускать. Ты меня едва не утопил!

— Я? — он выдает короткий, злой смешок. — Это ты свалилась на меня как розовая карамель из ада. Из-за тебя я лишился бизнеса, лицензии и, возможно, свободы. Открывай. Сейчас же. Но главное сейчас — я точно знаю, что мое водительское у тебя, потому что твой рюкзак, какого-то лешего, у меня!

Я вздыхаю и снимаю цепочку. Он вваливается в мою квартиру, мгновенно делая пространство тесным. Он слишком масштабный для этого зефирного интерьера. Его присутствие здесь — как бульдозер в кондитерской.

Он оглядывает мои полки с аниме-фигурками, розовый диван и пушистый ковер. Его бровь ползет вверх.

— Ты серьезно? Ты здесь живешь? Я думал, это декорации для детского шоу про депрессивных единорогов.

— У всех свои недостатки, — я скрещиваю руки на груди, стараясь выглядеть уверенно, хотя мои голые ноги предательски дрожат.

— А теперь слушай меня, Ориноко. Мой юрист посчитал предварительный ущерб. Один только купол стоил сорок тысяч. Корзина, горелки, приборы — еще тридцать. И это не считая морального вреда за то, что мне пришлось делать тебе искусственное дыхание.

— Ты мне его не делал! — вспыхиваю я.

— А зря. Твои губы были единственным светлым пятном в этой коричневой реке.

Я задыхаюсь от его наглости.

— Ты пришел требовать деньги? У меня их нет. Всё, что я зарабатываю на блоге, уходит на снаряжение и аренду всего, что требуется для съемок.

— Тогда у нас проблема, — он делает шаг ко мне, сокращая дистанцию до опасного минимума. — Потому что ты мне должна новый шар. И пока ты его не купишь, ты — моя.

— В каком смысле «твоя»? — я пытаюсь отступить, но упираюсь спиной в стеллаж. Коллекционная Сейлор Мун за моей спиной угрожающе пошатывается.

— В прямом. Ты поможешь мне восстановить репутацию. Твои подписчики любят экстремальную дичь? Отлично. Мы устроим им шоу. Ты будешь лицом моего нового проекта. А я буду тем, кто держит твой трос, чтобы ты снова не превратилась в лепешку.

— Ты хочешь, чтобы я с тобой работала? После того, как ты назвал меня «розовой карамелью из ада»?

— Ты — эффективный инструмент маркетинга, — он

смотрит мне прямо в глаза, и я чувствую, как его взгляд буквально раздевает меня, добираясь до тех самых тайн, что я спрятала в ящике. — К тому же, у тебя есть кое-что моё.

Мое дыхание перехватывает.

— О чем ты?

— Моя папка и мой кошелек.

Я сглатываю. Смысла врать нет.

— Я просто... я хотела вернуть это в более спокойной обстановке.

— Сейчас подходящий момент, — он протягивает руку.

— Спокойный.

Я медлю: если я сейчас отдам кошелек, потеряю шанс спросить о Лео, но если не отдам, то он просто перевернет эту квартиру вверх дном! Божечки-кошечки, ну почему все всегда так сложно! Даже сложнее, чем выбирать между оттенками лаков «Ты такой потрясный» и «У меня проблема с селедкой». Кстати, у меня есть оба, потому что я так и не смогла выбрать.

— Сначала ответь на вопрос, — я стараюсь говорить уверенно. — Фото в твоём кошельке. Парень рядом с тобой. Кто он?

Доминик меняется в лице в одно мгновение.

— Это не твоё дело, Мира, — цедит он.

— Это Лео — мой брат, — я поднимаю на него глаза.

Доминик ошарашено смотрит на меня.

— Твой брат? — неверяще переспрашивает он. — Ты...

ты — сестра Лео?

— Да. И я хочу знать, почему вы вместе на одной фотографии.

Доминик долго молчит, а потом делает выдох, который похож на стон, и вдруг резко отворачивается.

— Верни мне папку, Мира. Сейчас же. Нам нельзя быть рядом друг с другом.

Он делает шаг к выходу, но я хватаю его за локоть. Его кожа горячая, почти обжигающая.

— Нет! Ты не уйдешь просто так!

— Ах, кто бы говорил?! Верни мне вещи, Мира. И я уйду.

Я не двигаюсь с места и выжидающе смотрю на него.

Он резко разворачивается, перехватывает мои запястья и прижимает их к двери. Его лицо в сантиметре от моего.

— Ты хочешь правды? — его голос вибрирует от едва сдерживаемой боли. — Правда в том, что твой брат погиб из-за того, что слишком сильно верил таким людям, как я. А теперь и ты, возможно, следующая в очереди на вылет без парашюта.

Он отпускает мои руки, и я слышу, как у него в кармане вибрирует телефон.

Доминик не успевает закрыть от меня экран, и я вижу, что кто-то прислал ему фотографию. На ней я, выходящая из душа пятнадцать минут назад. Видимо, кто-то сделал эту фотографию из окна напротив. И подпись: *«Эй, Доминик, она такая милая в этом полотенце. Даже если ты ещё не успел*

влюбиться в нее, в любом случае, будет жаль, если с ней случится что-то плохое, так ведь?».

Глава 7. Доминик

Я смотрю на экран телефона — и мир сужается до размеров экрана. На фото Мира. Мокрая, закутанная в розовое полотенце, с каплями воды на плечах. У неё испуганное лицо.

— Падай! — рывкаю я без объяснений.

Хватаю её за плечо, тяну вниз, на ковёр. Мы падаем за диван, и я накрываю её своим телом. Она лёгкая.

— Эльрой, ты совсем спятил?! — она брыкается, коленки врезаются мне в бёдра. — Это мой ковёр, а не ринг!

— Заткнись, — прижимаю ладонь к её губам. Губы мягкие, влажные и горячие. — Молчи и не высывайся. Нас снимают.

Она замирает. Глаза округляются. Её дыхание щекочет ладонь. В комнате пахнет ванилью и шампунем.

Осторожно выглядываю из-за дивана. Окно. Четвёртый этаж. Напротив — парковка. Там можно устроить засаду или просто следить.

— Это из-за Лео? — шепчет Мира. — Те же люди, Доминик?

— Не знаю, — вру я. Потому что правда её добьёт. — Но кто бы это ни был, они знают, кто ты. И знают, где ты живёшь.

Поднимаюсь, стараясь не попадать в поле зрения из окна,

и быстро задёргиваю шторы. Теперь в комнате воцаряется полумрак, разбавляемый только неоновой вывеской «Орел», висящей у неё над кухонным столом. Эта квартира — розовый замок из зефира — внезапно превратилась в склеп, где стены давят на психику.

— Мне нужен кофе, — я иду к кухне, потому что если я сейчас не займу руки чем-то, я сойду с ума от желания разнести эту парковку.

— Кофе? Серьезно? Нас заказали, а ты хочешь капучино? — она вскакивает, поправляя свою безразмерную толстовку. Теперь её голые ноги мелькают в полумраке и сбивают меня с мысли.

Я открываю шкафчик. Тут всё в баночках с сердечками. Тошнит от этой милоты.

— Ты пьешь только растворимую пыль со вкусом единорога, я правильно понимаю?

— На верхней полке, — все-таки подсказывает Мира.

Я нахожу банку. Пока я вожусь с кофемашиной, которая выглядит как робот из «Звездных войн», Мира стоит за моей спиной, скрестив руки на груди.

— Доминик, — говорит она серьезно. — Почему в твоём кошельке фото моего брата?

Я замираю с холдером в руке. Скелеты в моем шкафу только что выбили дверь и начали танцевать джигу прямо на кухонном столе.

— Твой брат был лучшим механиком, которого я знал, —

я начинаю осторожно говорить, глядя на то, как темная струя напитка наполняет крошечную чашку с мордой кота. Может быть, Мира все знает, и сейчас просто проверяет меня? — Мы планировали экспедицию через Аутбэк на шарах. Это бы стало настоящей сенсацией.

— А стало его смертью, — заканчивает она за меня. — Официальная версия: Взрыв газа, ошибка при монтаже горелки.

— Но это не была ошибка, Мира, — я разворачиваюсь к ней. — Лео нашел что-то в поставках газа. Какую-то схему с примесями, которые разъедали клапаны. Он собирался пойти в полицию. А через два дня... — Я в упор смотрю на нее. А сейчас? Она в курсе, что не *это* — главная причина?

— Его не стало, — она закрывает глаза. — А ты? Как ты выжил?

— Нравится тебе это или нет, но я в это время был в воздухе и тестировал другой шар, — я прикрываю глаза и вздыхаю. Мы ходим по краю, танцуем, балансируя на полуправде. — Когда я приземлился, от мастерской остались только обгоревшие балки. И твой брат внутри. Я искал тех, кто это сделал, — продолжаю я. — Но они стерли все следы. Я думал, они забыли обо мне. До сегодняшнего дня. До того момента, как ты упала на мой шар.

Мира подходит ближе. Она такая маленькая по сравнению со мной, но в этот момент в ней чувствуется сила. Она молчит. Я вижу, как она анализирует информацию, как работает

ее мозг — быстро, четко, совсем не «кавайно».

Я делаю шаг к ней, намереваясь сказать, что нам нужно уходить, но мой телефон в её руке снова вибрирует.

— Еще одно сообщение? — она бледнеет.

Выхватываю аппарат. Но это не сталкер. Официальное уведомление.

«Уважаемый мистер Эльрой, ваш запрос на пересмотр страхового случая отклонен. Более того, в связи с новыми обстоятельствами (видеоматериалы из социальных сетей @Mira_High_Limit), сумма судебного иска от департамента транспорта составит 150 000 долларов».

— Прекрасно, — швыряю телефон на диван. — Теперь я официально безработный банкрот.

— Подожди, — Мира вдруг хватает меня за руку. — Лео рассказывал мне о шаре, который хотел построить для экспедиции. И о проекте «Золотой Феникс». Ты помнишь чертежи?

— Рассказывал тебе о проекте?

Учитывая, что она назвала название, скорее всего, Мира не врет. Но мне почему-то в это все еще верится с трудом.

— К чему ты клонишь? — снова осторожно спрашиваю я.

— У меня есть эти чертежи, Доминик. Лео прислал их мне в облако за день до взрыва. Он сказал: «Если со мной что-то случится, найди того, кто умеет летать».

Смотрю на Миру — и в голове начинает складываться ее безумный план.

— Ты хочешь, чтобы мы...

— Мы построим его, — в её глазах зажигается фанатичный огонь. — Мы сделаем из этого шоу. Мои подписчики оплатят счета, а ты вернешь себе небо. И мы заставим тех, кто убил Лео, выйти из тени.

Я открываю рот, чтобы сказать, что это безумие. Но в этот момент дверь её квартиры содрогается от мощного удара. Снаружи голос, от которого у меня кровь стынет в жилах:

— Мира, дорогая, это Марк. Я знаю, что ты там не одна. Открой дверь, или я применю спецсредства. У нас по контракту еще два прыжка, помнишь? — гогочет Марк.

Я смотрю на Миру. Марк — её «лучший техник». Она сказала, что это он проверял ее трос.

Если честно, не думаю, что сейчас нам стоит с ним стилизоваться. Что там у него за спецсредства?

— У тебя есть черный ход? — шепчу я. — И ради бога, Мира, где моя папка и кошелек?

— Черного хода нет.

— Тогда, может быть, уйдем как в кино через вентиляцию? Или... ну, ты же экстремальный блогер, у тебя же должны быть комплекты для бэйс-джампинга, а, Мирочка?

— Теперь, значит, я Мирочка? — шипит она и идет куда-то в комнату.

Я следую за ней по пятам.

— Отвернись, — просит она.

— Это ещё зачем? — не понимаю я.

Марк продолжает колотить в дверь. Меня осеняет догадкой.

— О Боже, Мира, ты что, спрятала мои вещи в комод с твоим нижним бельем?

Она ничего не отвечает, но ее щеки становятся абсолютно пунцовыми, когда она достает кошелек и папку из комода.

— Кота покормила? — на всякий случай уточняю я.

— У него автоматическая кормушка. Корма там хватит на неделю.

Я закатываю глаза, припоминаю ей вот это: *«И у меня там кот, между прочим. Мистер Зефирка. Его кормить надо».*

—Что?! Да не смотри ты на меня так, я как зашла домой, сразу наполнила кормушку, там корм заканчивался.

— Мира! — Марк явно начал терять терпение.

— Надеюсь насчет вентиляции ты пошутил, но в любом случае, мы туда не пролезем. А парашют при прыжке с четвертого этажа не успеет нормально раскрыться, я уж не говорю о «снайпере», который поджидает нас на парковке напротив.

— Но нам все еще нужно в Брисбен, — парирую я. — А моя машина сломана.

— Едь на автобусе, — цинично замечает Мира. О да, я знал, что она это мне тоже припомнит!

— Я уже не успею...

— Мира, черт тебя дери! Открывай дверь! — учитывая, что Марк до сих пор не перешел к решительным действиям,

я могу надеяться, что пушки у него нет.

— Ой все, что мы как дети малые? — Мира размахистыми шагами идет в сторону входной двери.

— Мира, стой, не надо! — шиплю я.

— Очень даже надо! Я сейчас поговорю с ним по душам, и он отвалит.

— Волки в овечьей шкуре не отваливают после разговоров по душам, Мира! Они жрут овцу.

Мира ни капельки не внимает моим словам и распахивает дверь. Коридор пуст. Я выдыхаю и опираюсь о стену. Марк ушел, или затаился?

— Надеюсь, твоя машина не на парковке напротив, Мира?

— Значит, никаких больше «нам нельзя быть вместе»? Быстро же ты переобулся! Я что-то не слышу от тебя ничего вроде: «О, благословенная, возьми меня с собой»? Я, между прочим, бежала за тобой босиком в дурацкой пижаме!

Я громко фыркаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.